

УДК 94(497.11)“1903” (093.2)
355:929 Павловић М. (093.2)

ЧЛАНЦИ
Articles

КАК УБИВАЛИ В БЕЛГРАДЕ ГЕОРГИЕВСКОГО КАВАЛЕРА

Др Андреј ШЕМЈАКИН

Институт славјановеденија Руске академије наука, Москва

АБСТРАКТ: Речь в статье идет о практически неизвестном аспекте переворота 29 мая 1903 г. – ликвидации военного министра Сербии генерала Милована Павловича. На основании документов из российских архивов нам удалось воссоздать подлинную картину гибели генерала, который (в отличие от полярной династии Карагеоргиевичей историографии, представлявшей его трусом) „умер, как герой“.

Кључне речи: *Сербия, переворот 29 мая 1903 года, военный министр, генерал Милован Павлович, Обреновичи.*

История государственного переворота, совершенного в столице Сербии в ночь на 29 мая 1903 г. и завершившегося убийством короля Александра Обреновича и его жены Драги (после чего на опустевший престол были приглашены пребывавшие в изгнании Карагеоргиевичи), *более или менее* известна в мировой литературе¹. Информированы о ней и читатели

¹ Живановић Ж. *Политичка историја Србије у другој половини XIX века*. Књ. 4. Београд, 1927; Васић Д. *Деветсто трећа*. Београд, 1927; Јовановић С. *Влада Александра Обреновића*. Књ. 2 (1897-1903) // *Сабрана дела С. Јовановића*. Т.7. Београд, 1990; Кацлеровић Т. *Мартовске демонстрације и мајски преврат*. Београд, 1950; Казимировић В. *Црна рука*. Крагујевац, 1997; Столић А. *Краљица Драга*. Београд, 2000; „Мајски преврат“, *НИИ*. Специјални додатак. Београд. 29. мај 2003; MacKenzie D. *Apis: The Congenial Conspirator. The Life of Colonel Dragutin T. Dimitrijevic*. Boulder, 1989 (перевод на сербский язык: Мекензи Д. *Апис*. Горњи Милановац, 1989); Нюркаева А. З. „Мајский переворот в Сербии“, *Вопросы истории*. 1977. № 7; Вишняков Я. В. „Население Белграда терроризировано местными войсками“, *Военно-исторический журнал*. 2001. №.3. С. 68-77.

журнала „Родина”². Однако, мы совсем не зря употребили здесь эдакое неуверенное – „более или менее”. Несмотря на кажущуюся „прозрачность” путча, ряд его важных деталей интерпретирован исследователями неверно, чему подтверждением служат слова последнего живого заговорщика (в том роковом мае девятьсот третьего – безусого подпоручика) Боривое Йовановича, сказанные им полвека спустя: „О том, что произошло 29 мая, писалось очень произвольно и неполно. Подлинная история еще не написана! И у Драгиши Васича* полно неточностей...”³. А некоторые обстоятельства так вообще не известны. И это при том, что речь идет о событии, которое, сыграв роль революции, изменило всю историю страны.

Об одном из таких, почти скрытых доселе, деяний, сопровождавших переворот, мы и расскажем в настоящем материале. Но для начала следует ознакомить читателя с общей экспозицией, дабы облегчить затем восприятие предлагаемого сюжета...

И так, в час пятнадцать ночи отряд офицеров-заговорщиков – числом 28 человек, ведомый капитаном Драгутином Дмитриевичем-Аписом, двинулся быстрым шагом из Офицерского дома ко дворцу. Примерно в два, разоружив охрану и взорвав двери, они вломились в королевские покои, где, после долгих поисков, обнаружили августейшую чету. Изрешетив Александра и Драгу пулями, пьяные офицеры сбросили их тела через окно во двор... Параллельно с этим две группы отправились выполнять другую задачу, поставленную главой переворота полковником Александром Машинным: ликвидировать на собственных квартирах сербского премьера, генерала Дмитрие Цинцар-Марковича; военного министра генерала Милована Павловича; министра внутренних дел Велимира Тодоровича. Для подстраховки!.. Около двух (*одновременно* с нападением на дворец) экзекуция началась. Премьер и военный министр были убиты, а министр полиции – тяжело ранен... Кроме них, жертвами кровавой ночи стали братья королевы – Никола и Никодие Луневицы. Но то уж была импровизация победителей.

Детали гибели юных „принцев” (а оба они вели себя достойно под взведенными револьверами „импровизаторов” во главе с Воиславом Танкосичем) хорошо известны⁴. Обстоятельства же последних минут жизни генералов замолчаны или изолганы. *Vae victis!* Они ушли в небытие, и тина забвения сомкнулась над ними. И нет возможности отстоять себя перед

² См.: Вишняков Я.В. „Котел с расплавленным металлом. К чему привел сербов майский переворот 1903 года”, *Родина*. 2003. № 10. С.81-84.

* Книга Драгиши Васича, *Девятьсот третий год* (Васић Д. *Деветсто трећа*. Београд, 1927) – это единственная по сей день и самая полная монография, посвященная непосредственно перевороту.

³ Рукописно одељење Матице Српске (далее - РОМС). Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Инв.бр. М.13.426. „Казивања Боре-Буки Јовановића о 29. мају 1903.”.

⁴ См.: Николић Г. *Војвода Танкосић*. Београд, 1998. С.28-29.

потомками... Дело историка вернуть забытые имена. Тем более, что один из погибших в ночь на 29 мая генералов был (косвенно, правда) связан с Россией: 5 мая 1878 г. Милован Павлович – тогда еще молодой майор, был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени „в воздаяние отличных подвигов, мужества и храбрости, оказанных в разновременных делах с турками в войну 1877-78 г.”⁵. Старая фотография сохранила лик сербского офицера с белым крестом на груди...

Далее мы и попытаемся реконструировать перипетии „последнего боя” генерала Павловича – увы, со своими. В этом нам поможет донесение русского военного агента, полковника Генерального Штаба И.Н.Сысоева, – соседа министра и непосредственного свидетеля событий. Кроме того, при комментировании документа, мы воспользуемся и обнаруженным нами в Белграде посланием зятя генерала – майора сербского Генштаба Божи-дара Янковича экс-премьеру Владану Джорджевичу с описанием „ужасной ночи”, когда и был убит его тесть. Итак, слово русскому свидетелю – мы впервые публикуем его рапорт от 4 июня за № 47.

„Я был почти свидетелем убиения сербского военного министра генерала Милована Павловича во время кровавого государственного переворота в Белграде в ночь с 28-го на 29-е мая сего года, так как моя квартира находится в одном доме, на одной лестнице и рядом с квартирой покойного генерала (других жильцов в этом доме нет; в нижнем этаже помещаются лавки).

Приблизительно около 2-х часов ночи я проснулся в своей спальне, смежной с парадной лестницей, от сильнейшего шума на ней, бряцанья оружия и ударов в мою парадную дверь. Быстро войдя в переднюю, я уже встретил в ней моего лакея; оба мы были в одном белье.

Мой слуга серб отворил парадную дверь, против которой находится дверь в квартиру министра, и мы увидели, что вся площадка лестницы сплошь наполнена вооруженными солдатами; но тотчас же три солдата направили на нас штыки со словами: „Затворяй врата (двери)”⁶.

В это время с улицы уже слышались ружейные выстрелы, и я сейчас же догадался, что началась революция, так как знал, что в армии и в стране существует брожение и сильное недовольство реакционным режимом короля; неоднократно приходилось слышать, что все это кончится плохо, что что-то готовится.

⁵ Российский Государственный Военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.400. Оп. 4. Д.313. Л.13.

⁶ В прилагаемой вырезке из местной газеты „Штампа” сказано, что, когда солдаты узнали, что они стучат в квартиру русского военного агента, то они „наиучтивийе извине” – это не верно. Солдаты имели растерянный вид и, вероятно, все делали бессознательно. (Прим. И. Н. Сысоева)

Солдаты ломились в дверь министра, но она не поддавалась; тогда начали в нее стрелять в упор из ружей, а затем раздобыли где-то топор и вырубил дверь (я все это наблюдал из окон своей квартиры, выходящих во двор, из которых видна площадка лестницы).

Та же история повторилась и со следующей дверью, ведущей из передней в спальню министра; из спальни солдаты проникли в кабинет, где находился генерал.

Одновременно с сим, со стороны фасада происходило следующее.

Против окон генеральской квартиры, прикрываясь деревьями, стал взвод пехоты и открыл огонь по окну кабинета генерала. Милован Павлович отстреливался из револьвера пока не был ранен; говорят, что он первый начал стрелять; говорят также, что в окно было брошено три динамитных патрона и что генерал будто бы также их имел в запасе (он предвидел возможность революции и имел при себе три револьвера). Если действительно динамитные патроны были брошены, то они значит не разорвались, так как не было разрушений, свойственных динамиту.

Всего было произведено не менее 60 ружейных и револьверных выстрелов, и в течение 20-30 минут, а, может быть, и более, продолжались нападение и расправа.

Этим кровавым делом руководил капитан инженерных войск Йосифович**, личный враг министра, которого, как сообщил мне один из участников заговора, М. Павлович будто бы преследовал всеми способами.

Когда смолкла перестрелка, и солдаты удалились, я вошел в квартиру генерала и глазам моим представилась картина полного разрушения; на полу валялись щепы, обломки мебели и домашней утвари, масса битого стекла, обвалившаяся штукатурка; все изломано, исковеркано; повсюду на стенах и даже на потолке следы ударов пуль. Войдя в кабинет, я увидел убитого генерала, лежащего ничком в луже крови. На обезображенном трупе его найдено 17 штыковых и пулевых ран.

Во время кровавой расправы с генералом объятые ужасом несчастная жена и взрослая дочь его скрывались на чердаке и остались живы; женщин вообще решено было не убивать*.

** Капитан Михайло Йосипович-Кича командовал отрядом, назначенным для ликвидации генерала М. Павловича.

* Так, наверное, оно и было. Однако, по свидетельству Боривое Йовановича, и сестры королевы Драги находились на краю гибели: „В своем безумии” заговорщики „уже хотели их перебить, но их спас сам Машин. Не будь этой защиты, они бы точно лишились жизни” (Рукописно одељење Матице Српске. Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Инв.бр. М.13.426. „Казивања Боре-Буки Јовановића о 29. мају 1903.”).

Покойный министр считался одним из главных деятелей проведения реакционных мер короля; кроме того ему приписывались всякие служебные неправды и несправедливости.

Генерал был кавалером ордена Св. Георгия 4-ой степени и умер как герой. Да будет мир душе его!

По просьбе родных М. Павловича я принял на хранение в своей квартире его железный, несгораемый сундук и некоторые вещи, в числе которых, быть может, есть служебные бумаги, или иные документы, которыми может поинтересоваться нынешнее правительство. Последнее очень вероятно, так как бумаги погибшего в ту же ужасную ночь Министра-президента Цинцар-Марковича были конфискованы и разобраны (в газетах были заметки об этом).

Моя квартира не пользуется правом „внеземельности“, а потому, к сожалению, мне придется передать вещи покойного генерала в распоряжение сербского правительства, если оно пожелает конфисковать их.

На другой же день по смерти генерала к моей лестнице был приставлен караул, который охраняет генеральскую квартиру (семья М. Павловича выселилась; в квартире остались только вещи), а, может быть, наблюдает за тем, чтобы хранящиеся у меня вещи М. Павловича не были вынесены его родными.

Об изложенном выше печальном и угнетающем душу событии докладываю Вашему Превосходительству^{**6}.

* * *

Опубликованный документ, хотя и краток, имеет немалую важность, дезавуируя целый ряд мифов, что густым шлейфом тянутся за всяким путчем. А потому, перед тем, как высказаться по „свидетельству“ Сысоева о смерти военного министра, обратимся к самому стойкому из них – весьма распространенной в публицистике и воспоминаниях (а иногда проскальзывающей даже в серьезных научных трудах) версии о причастности России и ее представителей к организации заговора.

Так, сестра убиенной королевы Драги Обренович, Анна Миличевич-Луневица, всерьез полагала, что „Чарыков (Николай Валерьевич – посланник России в Сербии. – *А.Ш.*) организовал даже некий „русский клуб“, где под видом изучения русского языка сербские офицеры осваивали историю заговоров“. И в результате – русским „удалось, наконец, найти восемь десятков подонков, которые согласились лишить жизни короля,

** Донесение И. Н. Сысоева было адресовано начальнику Военно-статистического отдела Главного штаба генерал-майору В.П.Целебровскому.

⁶ Там же. Л.30-31 об.

королеву и двух ее младших братьев...⁷. И супруга погибшего премьера (генерала Д. Цинцар-Марковича), Мария также „ощущала” участие в трагедии „руки Петербурга” – Н.В.Чарыков будто бы желал „использовать движение офицеров в интересах России”, а потому и предлагал „оказать моральную поддержку готовящейся перемене династий и свержению Обреновичей”⁸. Что говорить, если такой авторитетный исследователь, как Васа Казимирович, даже не сомневался в том, что „Чарыков был связан с некоторыми заговорщиками и знал, что они замышляют”⁹. Как и его старший современник – Триша Кацлерович: „Царский посланник Чарыков был ознакомлен с планом заговорщиков. 29 мая он наблюдал из окна русской миссии за происходящим в королевском дворце, ожидая, что офицерский заговор ликвидирует Александра по типу былых переворотов при русском дворе...”¹⁰.

Заметим, однако, что материалы российских архивов (государственного, военно-исторического, дипломатического) ничем не подтверждают данную версию: известие о перевороте, несмотря на все кружившие по Белграду слухи, о коих в Петербурге были наслышаны, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Действительно – не странно ли, что донесения диппредставителя, военного агента и шефа балканской тайной агентуры в свои столичные офисы различались по ряду важных деталей. Так, например, в части, нас касающейся, Чарыков писал: „Между заговорщиками было условлено, что, если им не удастся сразу убить короля, то по известному сигналу должны быть убиты на своих квартирах министры: председатель – генерал Цинцар-Маркович, военный – генерал Милован Павлович и внутренних дел – Веля Тодорович. Через полчаса после начала поисков условленный сигнал был дан и назначенные для этого офицеры и нижние чины отправились к намеченным жертвам и их убили...”¹¹*. Сысоев же, в донесении о перевороте, подчеркнул, что „эта версия едва ли справедлива”¹².

Военный агент прав – нападение на дворец началось в два часа ночи. И в то же самое время он пробудился „от сильнейшего шума” у себя на лестнице. Это значит, что не было никакого получаса ожидания (и, соответственно, – еще как минимум получаса, необходимого, чтобы добраться до цели), а министерская резня стояла в плане заговора изначально, являясь самостоятельной его частью.

⁷ Милићевић-Луњевица А. *Моја сестра краљица Драга*. Београд, 1995. С.132-133.

⁸ Цинцар-Марковић М. „Пред 29. мај 1903”. *Политика*. Бр.6646. 29. октобар 1926. г.

⁹ Казимировић В. *Црна рука*. С.68.

¹⁰ Кацлеровић Т. *Мартовске демонстрације и Мајски преврат 1903*. С.66.

¹¹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Д.500 (1903 г.). Л.339.

* Эта ошибочная версия находит отражение и в исторической литературе. См., например: Мекензи Д. *Анис*. Горњи Милановац, 1989. С.57 (перевод с английского).

¹² РГВИА. Ф.400. Оп.4. Д. Д.313. Л.35.

Но мы увлеклись; вернемся к публикуемому посланию Сысоева в Генштаб. Оно также показывает всю надуманность версии о русской причастности к кралеубийству. Причем на сей раз особенно наглядно – через бытовые мелочи. Вдумаемся, разве мог *военный человек* (предположим на один миг, что он был в курсе готовящихся событий) „дождаться” их, мирно почивая в собственной постели? Вряд ли такое вообще можно представить.

И в связи с этим понаблюдаем за поведением австро-венгерского посланника в Белграде, барона Константина Думбы, – а о возможном и, естественно, тайном участии Вены в событиях той ночи говорилось немало. О том свидетельствует и статья видного научного авторитета¹³. Так вот, через *десять минут* после убийства королевской четы, по признанию самого дипломата, он был уже в курсе дела. Часа не прошло, и мы видим Думбу, беседующего в дворцовом парке с главой переворота полковником Машиным. Получив необходимые гарантии и связавшись с австрийскими консулами в провинции, посланник успокоился¹⁴...

Второе. Донесение Сысоева в очередной раз показывает, что переворот 29 мая 1903 г. был, вероятно, самым странным из всех в мировой истории – ведь практически все (и в течение *полтора лет!*) слышали, что в среде офицеров куется заговор против монарха („неоднократно приходилось слышать, что все это кончится плохо, что что-то готовится”). Подозревали о том и представители режима – генерал Милован Павлович „предвидел возможность революции и имел при себе три револьвера”. И... ничего, т.е. никаких превентивных мер. Мало того, фатальные случайности нанизывались одна на другую. Дело в том, что несколько заговорщиков было арестовано, однако убежденный министром в том, что присягнувшие военные чины не посмеют устроить путч (о, святая простота!) и что в деле нет ничего серьезного, король приказал прекратить следствие¹⁵. Наконец, сам генерал, получив вечером 28 мая письмо от офицера Генштаба Милосава Живановича, в котором говорилось, что счет пошел на часы, а режим уже „на флажке”, сунул его в карман с тем, чтобы прочитать дома, и... забыл. Нераспечатанное письмо заговорщики нашли в мундире покойного министра, – а несколько дней спустя честный Живанович покончил с собой¹⁶.

Добавим и то, что 25 мая агент русской тайной полиции на Балканах Александр Вейсман, прибыв из Софии в Белград, предупредил тезку

¹³ См.: Екмечий М. „Аустро-Угарска обавештајна служба и Мајски преврат”, *Историјски часопис*. Књ. XXXII. Београд, 1985. С.141-168.

¹⁴ Казимировић В. *Црна рука*. С.15-16.

¹⁵ Архив Србије (далее – АС). Фонд Владана Ђорђевића. Бр.151 (Божидар Јанковић – Владану Ђорђевићу. Крушевац, 7. јануар 1910.)

¹⁶ Архив Српске академије наука и уметности. Заоставштина Милана Живановића. Бр. 14434/4217. „Солунски процес” (рукопис). С.3.

Обреновича о готовящемся комплоте¹⁷ – перед нами, кстати, еще одно „доказательство”, о (не) наличии „русского следа” в белградской трагедии.

Но меры опять-таки не были приняты: двадцатисемилетний монарх, не по годам уверенный в своем умении обвести вокруг пальца любого, комбинировал. Причем так „искусно”, что до сих пор не ясно: хотел ли он расстаться со своею бесплодной женой (вопрос о престолонаследии стоял чрезвычайно остро), или же ввести в стране осадное положение. Как бы там ни было, вечером 28 мая премьер-министр Д. Цинцар-Маркович подал в отставку, сохранив тем самым свое честное имя, ну а ночью случилась резня во дворце и на министерских квартирах...

Третье – и здесь мы возвращаемся к генералу. Победители всегда подчеркивали „трусость” Милована Павловича. По их разумению, он (как и его несчастные коллеги) должен быть не только физически ликвидирован, но и очернен в глазах потомков. Что им в какой-то мере удалось – в литературе, лояльной новой династии, все персонажи, более или менее близкие ко двору Обреновичей, обрисованы черной краской.

„Когда солдаты подошли к дому военного министра, – „констатирует” один из современников, – он появился у окна и спросил, что они хотят от него. Те отвечали, что пришли его арестовать, на что генерал взял ружье и начал стрелять. Солдаты ответили огнем. Увидев, что перестрелка может надолго затянуться, офицеры решили подняться на второй этаж и захватить его в квартире. Как только Павлович понял, что одному ему долго не продержаться, он бросил оружие и спрятался в большом шкафу. Офицеры выломали дверь и вошли в квартиру министра. Обнаружив, где скрывается министр, они открыли огонь из револьвера и убили его, а затем, вытащив из шкафа, вынесли тело на улицу”¹⁸. Схожая, но еще более оскорбительная для памяти георгиевского кавалера, ”картина событий” присутствует в другом „труде”: ”Когда солдаты ломились в дом, военный министр не вышел к ним, но наоборот – в страхе побежал и спрятался в шкаф. Заговорщики обнаружили его и несколькими выстрелами через дверцы покончили с ним. А затем его мертвого вытащили на улицу. Как же мог целый министр и генерал так трусливо погибнуть... Это лучшее доказательство того, каких людей назначал король Александр на высшие посты в армии и утверждал министрами”^{19*}.

¹⁷ Семиз Д. „Један руски савремени докуменат о 29. маја”, *Нова Европа*. Књ. XVI. Бр. 7. 11 октобра 1927. С.228; Вишняков Я.В. „Внеконституционные факторы и особенности развития сербской государственности в конце XIX – начале XX вв.”, *Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX вв.)*. СПб., 2006. С.224.

¹⁸ *Убиство краља Александра или спас Србије*. Београд, 1903. С.166-167.

¹⁹ Константинович Б. *Крвава ноћ у Београду (29. мај 1903. године)*. Нови Сад, 1903. С.32-33.

* Эта легенда про шкаф, как последнее пристанище генерала Павловича, была воспроизведена и в газете „Застава” („Знамя”), издававшейся в Новом Саде, в номере от 31 мая 1903 г.

Позор трусу, одним словом!.. Но ведь ордена Св.Георгия так просто не давались. Что и подтвердила реальная, а не выдуманная гибель его сербского кавалера, который „умер, как герой”*. Мало того, о себе обреченный М. Павлович даже не думал. Во время штурма квартиры ему, с помощью Сысоева, удалось спрятать жену и дочь на чердаке, буквально приказав желавшей остаться с ним супруге: „Уходи! Спасай ребенка!”, – как о том, со слов несчастной тещи, написал впоследствии зять генерала²⁰.

Как видим, рапорт русского агента позволил восстановить подлинную картину трагедии, и из-под наслоений клеветы „победителей”, словно водяной знак на бумаге, проявился лик храброго боевого генерала, уже смертью своей доказавшего, что отнюдь не зря в свое время он был удостоен высшей военной награды России...

И, наконец, документ помогает уточнить некоторые детали, ускользнувшие в свое время от внимания современников. Причем, чем дальше находился автор от места преступления, тем более фантастический вид приобретало оно под его пером. Так, один из русских „знатоков”, к примеру, утверждал, будто „генерал Павлович сидел в кругу семьи, когда пришли заговорщики (в 2-то часа ночи!? – А.Ш.). Он жил в одноэтажном домике, так что с улицы можно было видеть внутренность комнаты. Один из офицеров подошел к окну и закричал, что король требует немедленно Павловича во дворец. Выглянув на улицу, Павлович сразу же сообразил, в чем дело. Он схватил револьвер и принялся стрелять. Стоявшие на улице ответили залпом, и генерал упал бездыханным трупом...”²¹. А между тем, хорошо известно, что проживал он (как оказалось, на одной „лестничной клетке” с Сысоевым) во втором этаже дома, принадлежавшего „Обществу реконструкции Врачара**”, что на тогдашней Цветочной площади.

Дом этот сохранился поныне и представлен на фотографии. На его фасаде, как и ранее, начертано – „Общество реконструкции Врачара”... Сейчас это бойкий торговый центр, и спешащие по своим делам белградцы даже не догадываются, что происходило здесь в темную майскую ночь 1903 г.

Кстати, именно с домом „Общества” связан наглядный образчик политической культуры, характерной для Сербии того времени... Мы здесь – о пушкинской „милости к падшим”, свойственной, впрочем, *только* натурам высоким. В письме зятя покойного генерала, Б.Янковича читаем:

* Шеф российской балканской агентуры ротмистр В.В.Тржецяк в своем донесении в Департамент полиции также заметил, что Милован Павлович „оказал заговорщикам сильное сопротивление” (Семиз Д. „Један руски савремени докуменат о 29. маја”, *Нова Европа*. Књ. XVI. Бр.7. 11 октобра 1927 г. С.227; Вишняков Я.В. „Население Белграда совершенно терроризировано местными войсками”, *Военно-исторический журнал*. 2001. № 3. С.72.

²⁰ АС. Фонд В.Ђорђевића. Бр.151 (Б.Јанковић – В.Ђорђевићу. Крушевац, 7. јануар 1910.).

²¹ Теплов В. *Белградское царевубийство*. СПб., 1903. С.48.

** Врачар – один из центральных районов Белграда.

„Относительно вида квартиры, в которой эти разбойники хозяйничали целых 10 минут, вы получите ясное впечатление, когда я скажу, что после нападения она выглядела так, будто черкесы ее грабили и жгли. Довольно вам заметить только, что „Общество реконструкции Врачара”, коему принадлежит здание, заплатило 2700 динаров на ремонт и... обвинило мою тещу в разрушении стен и порче деревянных частей, требуя от нее компенсации (выделено в оригинале. – А. Ш.)”²². No comment...

* * *

Георгиевский кавалер, генерал Милован Павлович погребен в семейном склепе на Новом кладбище в Белграде. Правда, власти так и не дали родным с ним проститься, „перепутав” время церемонии. Его супруга умерла спустя два года и похоронена рядом с мужем...

Резиме

Како су убили у Београду „Георгиевског Кавалера”

Кључне речи: Србија, преврат 29. маја 1903. године, министар војни, генерал Милан Павловић, Обреновићи.

Војни државни удар 29. маја 1903. је резултирао у промени краљевских династија у Србији. Заједно са краљевским паром Обреновића били су убијени и министар-председник Димитрије Цинцар-Марковић и војни министар Милован Павловић, тешко рањен министар унутрашњих послова Велимир Тодоровић. Јуначка погибија М. Павловића показала га је као храброг и оданог заклетви официра, који није узалуд добио вишу војну награду Русије тог доба – орден Св. Ђорђа IV степена. Осим одбране образа генерала Павловића, у чланку, на основу досада непознатих архивских извора, доказано је да теза о умешаности у државни удар Русије присутна у публицистици и мемоарима, а понекад и у озбиљним научним радовима, није ништа више него историјски мит – један из оног густог облака митова које увек прате сваки државни удар.

²² АС. Фонд В. Ђорђевића. Бр.151 (Б.Јанковић – В.Ђорђевићу. Крушевац, 7. јануар 1910.).